

ДЖОРДЖ Р.Р.
МАРТИН

ПОРОЧНЫЙ
ПРИНЦ,
ИЛИ БРАТ КОРОЛЯ

ПОРОЧНЫЙ ПРИНЦ, ИЛИ БРАТ КОРОЛЯ

Размышление о молодых годах, похождениях, прегрешениях и браках принца Деймона Таргариена, изложенное архимейстером Гильдейном из Цитадели Староместа.

Воспроизведено Джорджем Р. Р. Мартином.

Этот неофициальный перевод был осуществлен силами сообщества 7kingdoms.ru исключительно с целью углубленного изучения иностранного языка, не является коммерческим, не преследует извлечения прибыли и иных выгод. В переводе приняли участие (в алфавитном порядке): Daena, Daenys, Leonard, Shtee, роберт, Xanvier Xanbie. Редактор перевода Sergey190168. На обложке илл. Марка Симонетти из путеводителя «Мир Льда и Пламени».

Он был внуком короля, братом короля, супругом королевы. Двое из его сыновей и трое внуков воссядут на Железный трон, но единственной короной, которую когда-либо носил Деймон Таргариен, была корона Ступеней – крошечного королевства, которое он создал сам кровью, сталью и драконьим огнем, и вскорости покинул.

На протяжении веков дом Таргариенов порождал как великих людей, так и чудовищ. Принц Деймон был и тем, и другим. В его дни в целом Вестеросе не нашлось бы человека, которым так восхищались, которого так любили – и которого так хулили. Он был соткан из света и тьмы в равных долях. Одни почитали его героем, другие – чернейшим из лиходеев. Невозможно доподлинно постичь наиужаснейшее кровопролитие, именуемое Танцем Драконов, не учтя первенствующей роли, сыгранной до начала и в ходе данного противоборства сим порочным принцем.

Семена великого противостояния были посеяны в последние годы долгого правления Старого Короля, Джейхейриса I Таргариена. О самом Джейхейрисе должно поведать здесь немного, помимо того, что после кончины возлюбленной жены его, Доброй Королевы Алисанны, и сына Бейлона, принца Драконьего Камня, королевского десницы и первого наследника Железного трона, от его милости осталась лишь оболочка человека, которым он некогда являлся.

Лишившись принца Бейлона, Старый Король понужден был искать себе сотоварища по трудам на стороне. Стать своим новым десницей он призвал сира Отто Хайтауэра, младшего брата лорда Хайтауэра из Староместа. Сир Отто взял с собой ко двору жену и детей, и служил королю Джейхейрису преданно остававшиеся тому годы. Когда силы и рассудок начали подводить короля, он зачастую бывал прикован к постели. Пятнадцатилетняя дочь сира

Отто, Алисента, неотступно находилась при его милости – приносила ему пищу, читала ему, помогала с омовением и одеванием. Старый Король порой принимал Алисенту за одну из своих дочерей, называя девушку их именами. Перед концом своим он уверовал, что она – дочь его Сейра, вернувшаяся из-за Узкого моря.

В 103 году от З.Э. король Джейхейрис I скончался в своей постели, когда леди Алисента читала ему «Неестественную историю» септона Барта. Его милости было от роду шестьдесят девять лет, и он правил Семью Королевствами с тех самых пор, как четырнадцатилетним взошел на Железный трон. Останки его предали огню в Драконьем Логове, а прах погребли под Красным замком вместе с прахом Доброй Королевы Алисанны. Весь Вестерос скорбел. Даже в Дорне, куда не достигало его владычество, мужчины рыдали, а женщины рвали на себе одежды.

Джейхейрису, сообразно его собственным желаниям и решению Великого совета 101 года, наследовал внук его Визерис, воссевший на Железный трон как король Визерис I Таргариен. Ко времени восхождения на престол ему сравнялось двадцать шесть. Он был уже десять лет женат на кузине, леди Эйме из дома Арренов, которая сама приходилась внучкой Старому Королю и Доброй Королеве Алисанне через свою мать, покойную принцессу Дейлу (умерла в 82 году от З.Э.). Леди Эйма перенесла несколько выкидышей и смерть сына в колыбели, но дала жизнь здоровой дочери, Рейнире (родилась в 97 году от З.Э.). Новый король и его королева души не чаяли в девочке – их единственном выжившем ребенке.

Визерис I Таргариен имел нрав великодушный и любезный, и его равно любили и лорды, и простой люд. Правление Молодого Короля — как прозвали его в народе по восшествии на престол – будет мирным и благополуч-

ным. Щедрость его милости вошла в легенду, а Красный замок сделался обителью песен и роскоши. Король Визерис и королева Эйма устраивали множество пиров и турниров и расточали золото, посты и почести своим многочисленным любимцам.

В самой гуще сего веселья, лелеемая и обожаемая всеми, находилась принцесса Рейнира, маленькая девчушка, которую придворные певцы вскоре нарекли Отрадой Королевства. Будучи при восшествии своего отца на Железный трон всего шести лет от роду, Рейнира являла собой не по годам развитое дитя – одаренное, смелое и красивое настолько, насколько могут быть красивы лишь рожденные от драконьей крови. В семь она стала драконьей всадницей, поднявшись в небо верхом на юной драконице, названной ею Сиракс в честь богини древней Валирии. В восемь принцессу, как и многих иных высокородных девочек, отдали служить чашницей... правда, ее же отцу – королю. С тех пор за трапезой, на турнире и при дворе Визерис редко появлялся без своей дочери.

Тяготы правления между тем возлегли в изрядной мере на Малый совет короля и его десницу – обязанность сию продолжал отправлять сир Отто Хайтауэр, служивший внуку, как служил его прародителю; способный человек, в том все соглашались, хотя немало было таких, кто находил его гордым, несдержанным и высокомерным. Как поговаривали, чем долее длилась его служба, тем более властным делался сир Отто, и многие великие лорды и принцы вознегодовали на его поведение и завидовали его близости к Железному трону.

Величайшим же из его соперников был наш порочный принц — Деймон Таргариен, честолюбивый и порывистый младший брат короля.

Столь же обаятельный, сколь и вспыльчивый, принц Деймон заслужил рыцарские шпоры в шестнадцать, и сам Старый Король, в знак признания его доблести, вручил ему Темную Сестру. В 97 году от З.Э., в правление Старого Короля, он женился на леди Рунного Камня, но брак не удался. Принц Деймон счел Долину Арренов унылой («В Долине мужчины совокупаются с овцами, – писал он. – Невозможно винить их. Здешние овцы красивее здешних женщин»), и вскоре проникся неприязнью к собственной леди-жене, которую звал «моя бронзовая сука» – из-за бронзовых лат с рунами, что носили лорды дома Ройсов. После восшествия на престол брата принц подал прошение, дабы расторгнуть свой брак. Визерис отклонил просьбу, однако позволил Деймону вернуться ко двору, где тот заседал в Малом совете, будучи мастером над монетой (в 103–104 годах) и мастером над законами (полгода в 104 году).

Правление, однако же, наскучило сему принцу-воителю. Дело пошло лучше, когда король Визерис поставил его начальствующим над городской стражей. Обнаружив, что стражники плохо вооружены и одеты в обноски и рвань, Деймон каждого снабдил кинжалом, коротким мечом и дубинкой, облачил всех в черные кольчуги (у начальников они были с нагрудными пластинами) и дал длинные золотые плащи, которые они могли носить с гордостью. С той поры городских стражников именуют золотыми плащами.

Принц Деймон с рвением принялся за труд золотых плащей и частенько со своими людьми рыскал по улочкам Королевской Гавани. Никто не возмог бы усомниться, что благодаря ему в городе стало спокойнее, но порядки его были жестоки. Он находил удовольствие в отрубании рук карманникам, оскотлении насильников и отрезании носов грабителям, и в первый же год своего начальствования

убил в уличных драках троих человек. Недолгое время спустя принца уже хорошо знали во всех значных местах Королевской Гавани. Он сделался завсегдатаем винных погребков (где выпивал бесплатно) и игорных ям (откуда всегда уносил денег более, нежели приносил). Хотя он перепробовал бесчисленное число шлюх в городских борделях и, по слухам, имел особую страсть к лишению девиц невинности, вскоре некая танцовщица-лиснийка стала его возлюбленной. Она носила имя Мисария, однако соперницы и враги называли ее Лисарией и Бледной Пиявкой.

Поскольку у короля Визериса не было сына, Деймон полагал себя законным наследником Железного трона и жаждал титула принца Драконьего Камня, который его милость отказывался ему пожаловать... но к окончанию 105 года от З.Э. друзья именовали его Принцем Королевской Гавани, а простонародье – Лордом Блошиного Конца. Хотя король и не желал видеть Деймона наследником, он по-прежнему любил своего младшего брата и скоро прощал ему многие провинности.

Принцесса Рейнира также была очарована своим дядей, ибо Деймон всегда был заботлив к ней. Когда бы принц ни отправился на своем драконе за Узкое море, он привозил ей оттуда какой-нибудь диковинный дар. Король Визерис никогда более не садился на дракона после кончины Балериона. Не имел он и склонности к турнирам, охоте или искусству владения мечом, тогда как принц Деймон преуспел на сих поприщах и казался полной противоположностью своему брату: худощавый, крепкий, лихой, бесстрашный, весьма грозный и прославленный воин.

Хотя об истоках сей вражды ведутся немалые споры, все согласны, что сир Отто Хайтауэр, десница короля, питал великую неприязнь к королевскому брату. (Как утверждает королевский шут Грибок, ссора началась, когда

принц Деймон лишил невинности Алисенту – юную дочь сира Отто и будущую королеву, но никакой другой источник не поддерживает сию непристойную сплетню.) Именно сир Отто убедил Визериса удалить принца Деймона с поста мастера над монетой, а затем и мастера над законами – шаги, о которых он вскоре пожалел. Будучи начальствующим над городской стражей и имея под рукой две тысячи человек, Деймон сделался могуществен как никогда.

«Ни при каких условиях нельзя дозволить принцу Деймону взойти на Железный трон, – писал десница своему брату, лорду Староместа. – Он будет вторым Мейгором Жестоким, а то и хуже». Именно сир Отто (в то время) желал, дабы принцесса Рейнира наследовала своему отцу. «Лучше Отрада Королевства, нежели Лорд Bloшиного Конца», – писал он; и в суждениях своих он был не одинок. Однако его партия столкнулась с внушительным препятствием. Если следовать решению, постановленному Великим советом 101 года, наследнику-мужчине должно возобладать над наследницей. При отсутствии же законнорожденного сына брат короля идет впереди королевской дочери – как Бейлон в 92 году от З.Э. опередил Рейнис.

Что же до воззрений самого короля, все хроники согласны в том, что Визерис ненавидел раздоры. Отнюдь не будучи слеп к порокам своего брата, он лелеял воспоминания о том беспечном, отчаянном мальчишке, каким некогда был Деймон. Дочь – великая отрада моей жизни, частенько говаривал он, но брат есть брат. Король вновь и вновь стремился помирить принца Деймона и сира Отто, но под неискренними улыбками, что примеряли те двое при дворе, бесконечно клокотала обоюдная вражда. В ответ на настойчивые расспросы по сему поводу Визерис лишь твердил – он-де уверен, что королева скоро подарит ему

сына. И в 105 году от З.Э. он объявил Малому совету и двору, что королева Эйма снова в тягости.

В тот роковой год сира Крестона Коля призвали в Королевскую гвардию, дабы заполнить место, освободившееся по кончине легендарного сира Раэма Редвина. Сир Крестон, пригожий юный рыцарь двадцати трех лет от роду, сын стюарда, служившего лорду Дондарриону из Черного Приюта, впервые привлек внимание двора, выиграв общую схватку в Девичьем Пруду в честь восшествия на престол короля Визериса. В завершающие мгновения боя он своей шипастой булавой выбил из руки Деймона Таргариена Темную Сестру – к восторгу его милости и ярости принца. После сир Крестон отдал венки победителя семилетней принцессе Рейнире и попросил знак ее расположения, дабы носить его на турнире. На ристалище он вновь одолел принца Деймона и ссадил с коней обоих прославленных близнецов Каргиллов из Королевской гвардии – сира Аррика и сира Эррика, прежде чем уступить лорду Лаймонду Маллистеру.

Благодаря своим светло-зеленым глазам, угольно-черным волосам и непринужденному обаянию Коль вскоре сделался любимцем всех придворных дам... среди которых не последней была сама Рейнира Таргариен. Принцесса настолько подпала под чары того, кого она звала «мой белый рыцарь», что упростила отца назначить сира Крестона ее личным охранителем и защитником. Его милость потворствовал ей в сем, как и во многом другом. С той поры сир Крестон всегда носил знак расположения принцессы на ристалище и не отходил от нее во время пиров и увеселений.

Вскоре после того, как сир Крестон облачился в свой белый плащ, король Визерис пригласил Лионеля Стронга, лорда Харренхолла, войти в Малый совет мастером над за-

конами. Лорд Стронг, дородный, могучий, лысеющий мужчина, имел славу грозного бойца. Не знавшие лорда люди часто почитали его тупоголовым, ложно полагая его тихую и замедленную речь признаком скудного ума. Сие было далеко от истины. В юности лорд Лионель обучался в Цитадели, заслужив шесть звеньев своей цепи, пока не решил, что мейстерская жизнь не для него. Будучи человеком ученым и просвещенным, он основательно ведал законы Семи Королевств. Трижды женившийся и трижды овдовевший лорд Харренхолла взял с собой ко двору двух дочерей-девиц и двоих сыновей. Девушки стали служанками у принцессы Рейниры, тогда как их старшего брата, сира Харвина Стронга по прозвищу Костолом, сделали капитаном золотых плащей. Младший сын, Ларис Косолапый, поступил в королевские исповедники.

Так обстояли дела в Королевской Гавани на исходе 105 года от З.Э., когда королева Эйма слегла в постель в крепости Мейгора и скончалась, родив королю Визерису столь долгожданного сына. Мальчик (названный Бейлоном в честь отца его милости) пережил ее всего на день, обездолив и короля, и двор... кроме разве только принца Деймона, которого видели в борделе на Шелковой улице отпускающим со своими высокородными дружками пьяные шутки про «наследника на день». Когда весть о том достигла короля (легенда гласит, что на Деймона донесла шлюха, сидевшая у него на коленях; однако имеются сведения, что на самом деле то был один из его товарищей по попойкам, скорее всего, некий алкавший повышения капитан золотых плащей), Визерис разгневался. Его милость наконец-то пресытился сим неблагодарным братом и его честолюбивыми устремлениями.

Лишь только закончился траур, король поторопился разрешить долго зревший вопрос о престолонаследии. За-

крыв глаза на решения, принятые королем Джейхейрисом в 92 году и Великим советом в 101 году, Визерис I провозгласил дочь свою Рейниру своей законной наследницей и нарек ее принцессой Драконьего Камня. Во время пышной церемонии в Королевской Гавани сотни лордов склонились перед Рейнирой, сидевшей в ногах своего отца у основания Железного трона, поклявшись чтить и защищать ее право наследования.

Однако принца Деймона среди них не было. Возбешенный королевским указом, принц покинул Королевскую Гавань, оставив службу в городской страже. Поначалу, усевшись вместе со своей возлюбленной Мисарией на спину дракона Караксеса – поджарого красного зверя, которого простой люд прозвал Кровавым Змеем, – он отправился на Драконий Камень. Там он оставался в течение полугода, и в сей срок Мисария зачала ребенка.

Узнав, что его наложница в тягости, принц Деймон одарил ее драконьим яйцом, но в сем он зашел слишком далеко. Король Визерис повелел ему возвратить яйцо и вернуться к законной супруге, иначе его осудят как изменника и лишат всех прав. Принц, пусть и неохотно, повиновался, отправив Мисарию (без яйца) назад в Лис, сам же полетел в Долину – в Рунный Камень, в нежеланное общество своей «бронзовой суки». Но во время шторма в Узком море Мисария потеряла дитя. Когда весть о том дошла до принца Деймона, он не вымолвил ни слова скорби, но сердце его ожесточилось против брата-короля. С тех пор он отзывался о короле Визерисе только с презрением, и мысли о престолонаследии начали одолевать его денно и нощно.

Хотя принцессу Рейниру и объявили преемницей отца, многие в королевстве по-прежнему надеялись, что Визерис возможет произвести наследника мужского пола, ведь Молодому Королю не исполнилось еще и тридцати.

Великий мейстер Рунцитер первым стал склонять короля к новому браку и даже предлагал подходящую партию: леди Лейну Веларион, которой едва минуло двенадцать. Пылкая юная дева, только что расцветшая, леди Лейна унаследовала от своей матери Рейнис красу истинных Таргариенов, а от отца, Морского Змея, дух, смелый и безрассудный. Лейна столь же любила летать, сколь отец ее – бороздить моря, и подчинила себе не кого-нибудь, а могучую Вхагар – наистарейшую и наивеличайшую из таргариеновских драконов после кончины Черного Ужаса в 94 году. Рунцитер указывал, что, взяв девочку в жены, король возмог бы уладить возникший между Железным тронном и Дрифтмарком разлад. А Лейна наверняка стала бы превосходной королевой.

Дóлжно заметить, что Визерис I Таргариен не был наирешительнейшим из королев. Всегда любезный и стремящийся угодить, он весьма полагался на советы людей, его окружавших, и обычно поступал так, как они просили. Однако в данном случае у его милости имелось собственное мнение, и никакие доводы не возмogli бы свернуть его с пути. Да, он женится вновь... но не на двенадцатилетней девочке и не государственных соображений ради. Иная женщина привлекла его взор. Он возвестил о намерении вступить в брак с леди Алисентой из дома Хайтауэров, умной и прекрасной восемнадцатилетней дочерью королевского десницы – девушкой, что читала королю Джейхейрису, пока тот возлежал на смертном одре.

Хайтауэры из Староместа являлись семейством старинным и благородным, происхождения безупречного; никаких приемлемых возражений относительно королевского выбора невесты быть не могло. И все же находились роптавшие, что десница зазнался, что с сим умыслом и привез дочь ко двору. Некоторые подвергли сомнению благочестие леди Алисенты, намекая, что она отдала девиче-

ство принцу Деймону, а затем, даже прежде кончины королевы Эймы, принимала в своей постели и короля Визериса. В Долине принц Деймон, по слухам, едва ли не до смерти исхлестал слугу, принесшего ему сию весть. Не возрадовался и Морской Змей: дом Веларионов вновь обошли, дочь его Лейну отвергли так же, как отверг Великий совет в 101 году от З.Э. его сына Лейнора, а Старый Король в 92 году – его жену. (Саму леди Лейну сие как будто не заботило. «Ее светлость проявляет гораздо более интереса к полетам, нежели к юношам», – отмечал ее мейстер.)

Когда в 106 году от З.Э. король Визерис брал в жены Алисенту Хайтауэр, в глаза бросалось отсутствие дома Веларионов. На пиру принцесса Рейнира подливала вино своей мачехе, а королева Алисента целовала ее и именовала «дочерью». Принцесса была среди женщин, раздевших короля и препроводивших его в опочивальню невесты. В Красном замке той ночью царили смех и любовь... в то время как по ту сторону Черноводного залива лорд Корлис, Морской Змей, привечал брата короля, принца Деймона, на военном совете. Принц не мог более выносить Долину Арренов, Рунный Камень и свою леди-жену. «Темная Сестра ковалась для более благородных дел, нежели забивание овец, – как говорят, заметил он Лорду Приливов. – Она жаждет крови». Но то не мятеж замышлял порочный принц; он узрел иной путь к могуществу.

Ступени, цепь скалистых островов меж Дорном и Спорными землями Эссоса, издавна являли собой прибежище беглых преступников, изгоев, пиратов и разграбителей погибших кораблей. Сами по себе острова мало чего стоили, но благодаря своему расположению они господствовали над путями, ведущими в Узкое море и обратно, и пересекавшие те воды купеческие суда нередко станови-

лись добычей их обитателей. Впрочем, грабежи сии на протяжении веков оставались не более чем докукой.

Однако десятью годами ранее вольные города Лис, Мир и Тирош оставили до поры свои давние распри, дабы объединиться ради общего дела в войне против Волантиса. Разгромив волантийцев, три победоносных города вступили в «вечный союз» и образовали новую силу – Триархию, более известную в Вестеросе как Королевство Трех Дочерей или, грубее, Три Шлюхи (сие «королевство» короля не имело – им правил совет из тридцати трех магистров). Стоило Волантису отступить от Спорных земель, как Три Дочери обратили свои взоры на запад. Их рати пронесли по Ступеням под предводительством мирийского принца-адмирала Крагхаза Драхара – тот сотнями сажал пиратов на кол в мокром песке, оставляя их захлебываться в приливной волне, чем заслужил кличку Крагхаз Кормилец Крабов.

Присоединение Триархией Ступеней лорды Вестероса поначалу встретили с одобрением. Хаос сменился порядком, и если Три Дочери требовали пошлину с каждого корабля, проходившего через их воды, сие казалось невеликой ценой.

Тем не менее, алчность Крагхаза Кормильца Крабов и его сотоварищей по войнам вскоре повернула настроения против них. Пошлина выросла вновь, а затем еще и еще, сделавшись столь разорительной, что купцы, ранее охотно платившие, теперь пытались украдкой проскользнуть мимо галей Триархии, как некогда при пиратах. Драхар и его лиснийские и тирошийские адмиралы будто состязались друг с другом, дабы узреть, кто проявит более корыстолюбия. Особливо ненавистны сделались лиснийцы, ибо они вжимали с проплывающих кораблей не только монетой, забирая женщин, девушек и пригожих юношей для

услужения в своих садах наслаждений и перинных домах. (Среди таким образом порабощенных оказалась и леди Джоханна Сванн, пятнадцатилетняя племянница лорда Каменного Шлема. Дядя ее, имевший дурную славу скупца, отказался уплатить выкуп; тогда девушку продали в перинный дом, где она возвысилась, став прославленной куртизанкой, известной под именем Черная Лебедь, правительницей Лиса во всем, кроме титула. Увы, повесть о ней, сколь бы захватывающей она ни была, никак не относится к нашей нынешней истории.)

Ни один из лордов Вестероса не натерпелся от сих деяний более, нежели Корлис Веларион, Лорд Приливов, который благодаря своему флоту сделался состоятельным и могущественным, как никто другой в Семи Королевствах. Морской Змей преисполнился решимости положить конец владычеству Триархии над Ступенями, и в Деймоне Таргариене он нашел сговорчивого сотоварища, охочего до золота и славы, что принесла бы победа в войне. Погнушавшись королевской свадьбы, они вынашивали свои замыслы в Высоком Приливе на острове Дрифтмарк. Лорд Веларион примет начальствование над флотом, принц Деймон – над войском. Числом они будут сильно уступать воинству Трех Дочерей... однако же в придачу принц поведет в сражение своего дракона Караксеса, Кровавого Змея, и его пламя.

Война началась в 106 году от З.Э. Принц Деймон без особых трудностей набрал войско из безземельных искателей удачи и младших сыновей и одержал многие победы в первые два года противоборства. В 108 году от З.Э., сойдясь наконец лицом к лицу с Крагхазом Кормильцем Крабов, он в одиночку сразил его и отсек ему голову Темной Сестрой.

Король Визерис, будучи, несомненно, рад избавиться от беспокойного брата, поддерживал его начинания посто-

янными вливаниями золота, и к 109 году от З.Э. Деймон Таргариен со своим воинством наемников и головорезов господствовал над всеми островами, кроме двух, а воды между ними надежно держал флот Морского Змея. В сей краткий миг победы принц Деймон провозгласил себя королем Ступеней и Узкого моря, а лорд Корлис увенчал короной его чело... Но «королевство» их было отнюдь не безмятежным. В следующем году Королевство Трех Дочерей отрядило для вторжения новые силы под предводительством бесчестного тирошийского капитана по имени Ракаллио Риндун – без сомнения, одного из загадочнейших и ярчайших негодяев в анналах истории, а Дорн вступил в войну в союзе с Триархией. Противостояние возобновилось.

Король Визерис и его двор оставались невозмутимы.

– Пусть Деймон потешится войной, – говорят, изрек его милость. – Сие убережет его от беды.

Визерис был мирным человеком, и все сии годы Королевская Гавань являла собой нескончаемый круговорот пиров, балов и турниров, где лицедеи и певцы возвещали рождение каждого нового принца-Таргариена. Королева Алисента скоро подтвердила, что она столь же плодовита, сколь и красива. В 107 году от З.Э. она принесла королю здорового сына, которого назвала Эйгоном, в честь Завоевателя, два года спустя произвела на свет дочь Хелейну, а в 110 году от З.Э. родила его милости второго сына, Эймонда, который, как рассказывали, был вдвое менее своего старшего брата, однако же и вдвое злее.

И все же принцесса Рейнира продолжала сидеть у подножия Железного трона, пока отец ее вершил суд, а его милость начал приводить ее и на заседания Малого совета. Многие лорды и рыцари искали ее благосклонности, но

принцесса не устремляла взор ни на кого, кроме сира Кристона Коля, своего рыцарственного молодого охранителя.

– Сир Кристон защищает принцессу от ее врагов, но кто защитит принцессу от сира Кристона? – спросила однажды при дворе королева Алисента.

Согласие между королевой и ее падчерицей продлилось недолго, поскольку каждая из них стремилась быть первой дамой королевства... И хотя Алисента подарила королю не одного, а двоих наследников мужского пола, Визерис не содейл ничего, дабы изменить порядок престолонаследия. Принцесса Драконьего Камня оставалась его наследницей, и половина лордов Вестероса присягнула защищать ее права. Слова же тех, кто вопрошал: «А как же решение Великого совета 101 года?» – разбивались о глухую стену. Дело улажено, полагал король, и сие был не тот вопрос, к которому его милость имел желание возвращаться.

Вопросы, однако же, продолжали задавать – и не в последнюю очередь сама королева Алисента. А наиболее громогласным среди ее сторонников являлся ее отец, сир Отто Хайтауэр, королевский десница. До крайности раздраженный таким положением, в 109 году от З.Э. король Визерис лишил сира Отто знака его службы – цепи, а на место его назначил молчаливого лорда Харренхолла, Лионеля Стронга.

– Уж сей десница не станет мне дерзить, – возгласил его милость.

Даже после того, как сир Отто вернулся в Старомест, при дворе все еще оставалась «партия королевы» – ряд влиятельных лордов, дружественных королеве Алисенте и поддерживавших права ее сыновей. Против них стояла «партия принцессы». Король Визерис любил и жену, и дочь, и ненавидел свары и пререкания. Целыми днями он

прилагал усилия, дабы сохранить мир между своими женщинами и удовлетворить обеих дарами, золотом и почестями. Пока он жил, правил и поддерживал равновесие, как и прежде, продолжались пиры и турниры, и в государстве царил мир... хотя некоторые, обладавшие зорким глазом, примечали, как драконы противоборствующих партий огрызались и плевались огнем, когда бы им ни случилось встретиться друг друга.

В 111 году от З.Э. в Королевской Гавани устроили большой турнир в честь пятой годовщины бракосочетания короля и королевы Алисенты. На открытии праздника королева была в зеленом платье, в то время как принцесса нарочито облачилась в цвета Таргариенов: красный и черный. Сие заметили, а позже завели обычай говорить о «зеленых» и «черных», имея в виду партию королевы и партию принцессы соответственно. Что до самого турнира, на нем возобладали черные – сир Кристон Коль, носивший знак расположения принцессы Рейниры, выбил из седла всех поединщиков королевы, в том числе ее младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра, и двоих более дальних родичей.

Однако же был один, что не рядился ни в черное, ни в зеленое, а ходил в золоте да в серебре. Принц Деймон наконец-то вернулся ко двору – в короне, величающий себя королем Узкого моря. Объявившись без уведомления на своем драконе в небе над Королевской Гаванью, он трижды облетел турнирное поле... но, опустившись в итоге на землю, преклонил колени перед братом и в знак любви и преданности преподнес ему свою корону. Визерис вернул ее и расцеловал Деймона в обе щеки, приветствуя его прибытие домой; когда же сыновья принца Бейлона Таргариена помирились, лорды и простолюдины разразились оглушительными возгласами. А громче всех радовалась принцесса

Рейнира, что пребывала в восторге от возвращения любимого дядюшки и упрашивала его остаться погостить.

Принц Деймон пробыл в Королевской Гавани полгода, и даже получил обратно свое место в Малом совете, но ни время, ни изгнание не переменили его натуру. Вскоро-сти Деймон вновь связался со своими старыми товарищами из золотых плащей и вернулся в заведения на Шелковой улице, где прежде был столь почитаемым завсегдатаем. Хотя он обходился с королевой Алисентой со всей подобающей ее положению учтивостью, между ними не было теплоты, и люди поговаривали, что принц бывал крайне холоден с ее детьми, особенно с племянниками Эйгоном и Эймондом, чье рождение отбросило его еще ниже в порядке наследования.

Другое дело – принцесса Рейнира. Деймон проводил долгие часы в ее обществе, развлекая ее рассказами о своих путешествиях и битвах. Он дарил ей жемчуга, шелка и книги, а еще – нефритовую тиару, по слухам, некогда принадлежавшую императрице Лэнга; он читал ей стихи, вместе с ней обедал, охотился с ястребами, ходил под парусом, развлекал ее, насмехаясь над зелеными придворными, «лизоблюдами», угодничавшими перед королевой Алисентой и ее детьми. Он славил ее красоту, называя ее прекраснейшей девой во всех Семи Королевствах. Дядя и племянница начали летать вместе почти каждый день, пуская наперегонки Сиракс и Караксеса до Драконьего Камня и обратно.

Здесь наши источники расходятся. Великий мейстер Рунцитер повествует лишь, что братья вновь рассорились, и принц Деймон покинул Королевскую Гавань, вернувшись к своей войне на Ступенях. О причине же ссоры он не говорит. Другие утверждают, что Визерис отослал Деймона прочь по настоянию королевы Алисенты. Но септон Юстас

и Грибок рассказывают другую историю... или, вернее, две другие истории. Юстас, менее распущенный из двоих, пишет, что принц Деймон соблазнил свою племянницу-принцессу, лишив ее девства. Когда любовников обнаружили вместе в постели и привели к королю, Рейнира твердила, что любит дядю, и упрашивала отца позволить ей выйти за него. Однако король Визерис не желал и слышать о том, напомнив дочери, что у принца Деймона уже есть жена. В гневе он запер принцессу в ее покоях, велел своему брату удалиться и запретил обоим когда-либо упоминать о случившемся.

История, излагаемая Грибком, гораздо более порочна. По словам карлика, принцесса вождедела не принца Деймона, а сира Кристона Коля. Но сир Кристон был истинным рыцарем, благородным, целомудренным и помнящим свои обеты, и хотя он денно и ночью пребывал в ее обществе, он никогда даже не целовал ее, даже ни разу не сказал ей, что влюблен.

– Когда он смотрит на тебя, то видит маленькую девочку, которой ты была, а не женщину, которой ты стала, – поведал племяннице Деймон. – Но я могу научить тебя, как заставить его увидеть в тебе женщину.

Начал он с уроков поцелуев, уверяет Грибок. От них принц перешел далее, показав племяннице, как прикасаться к мужчине, дабы подарить ему наслаждение – в занятиях сии порой увлекали самого Грибка и его якобы огромный мужской орган. Деймон учил девушку соблазнительно раздеваться, ласкал ее соски, дабы сделать их более чувствительными, летал с ней на драконе к одиноким скалам в Черноводном заливе, где они, никем не замеченные, могли забавляться нагими, а принцесса – постигать искусство убаживания мужчины ртом. По ночам он тайно выводил Рейниру из ее комнат, одетую мальчиком-пажом, и

они отправлялись в бордели на Шелковой улице, где принцесса могла наблюдать за мужчинами и женщинами, предающимися любви, и обучаться «женским искусствам» у блудниц Королевской Гавани.

Лишь о том, сколь долго длились сии уроки, умалчивает Грибок; однако, в отличие от септона Юстаса, он настаивает, что принцесса Рейнира осталась девицей, ибо желала сохранить невинность как дар своему возлюбленному. Но, когда она наконец подступилась к своему «белому рыцарю», пользуясь всем, чему научилась, сир Кростон Коль ужаснулся и отверг ее. Вся история вскоре открылась, чему немало поспособствовал сам Грибок. Поначалу король Визерис отказывался верить хотя бы единому слову, пока принц Деймон сам не подтвердил, что все сие правда.

– Отдай девчонку мне в жены, – будто бы заявил он своему брату. – Кто другой теперь ее возьмет?

Вместо сего король отправил принца в изгнание, дабы тот никогда под страхом смерти не возвращался в Семь Королевств. (Лорд Стронг, королевский десница, возражал, что принца надобно немедля предать казни как изменника, но септон Юстас напомнил его милости, что ни один человек не проклят так, как убийца родичей.)

Что до последствий, тут все очевидно. Деймон Таргариен вернулся на Ступени и возобновил свою борьбу за сии бесплодные, разбитые штормами камни. В 112 году от З.Э. скончались великий мейстер Рунцитер и сир Гаррольд Вестерлинг, лорд-командующий Королевской гвардии. Лордом-командующим вместо сира Гаррольда назначили сира Кростона Коля, а архимейстеры Цитадели прислали в Красный замок мейстера Меллоса, дабы тот принял цепь великого мейстера и его обязанности. В остальном Королевская Гавань возвратилась к привычной умиротворенности, в которой и пребывала большую часть последующе-

го двухлетия... до 113 года от З.Э., когда принцессе Рейнире сравнялось шестнадцать, она вступила во владение Драконьим Камнем и вышла замуж.

Вопрос выбора подходящего супруга для Рейниры занимал умы короля Визериса и его совета задолго до того, как у кого-либо появились причины усомниться в целомудрии принцессы. Великие лорды и лихие рыцари порхали рядом с ней ровно мотыльки у пламени, споря за ее благосклонность. Когда Рейнира в 112 году посетила Трезубец, сыновья лорда Бракена и лорда Блэквуда сразились из-за нее на поединке, а младший отпрыск дома Фреев осмелился прилюдно просить ее руки (с тех пор его звали «Фреем-Дурашкой»). На западе, в Утесе Кастерли, сир Джейсон Ланнистер и его брат-близнец сир Тиланд соперничали за нее на пиру. За принцессой ухаживали сыновья лорда Талли из Риверрана, лорда Тирелла из Хайгардена, лорда Окхарта из Старого Дуба и лорда Тарли из Рогова Холма, а равно и старший сын десницы, сир Харвин Стронг. Костолом, как его называли, был наследником Харренхолла и почитался наисильнейшим человеком Семи Королевств. Визерис даже поговаривал о браке Рейниры с принцем Дорнийским, как о средстве присоединить дорнийцев к государству.

У королевы Алисенты имелся собственный соискатель: ее старший сын принц Эйгон, единокровный брат Рейниры. Но Эйгон был мальчишкой, десятью годами младше принцессы. Вдобавок единокровные брат и сестра никогда не ладили.

– Тем более причин соединить их в браке, – спорила королева. Визерис не дал согласия.

– Мальчик – родная кровь Алисенты, – сказал он лорду Стронгу. – Она желает видеть его на троне.

Наконец, король и Малый совет согласились, что лучшим выбором станет родич Рейниры, Лейнор Веларион. Хотя Великий Совет 101 года отверг его притязания, юный Веларион оставался внуком блаженной памяти принца Эймона Таргариена и правнуком самого Старого Короля, с драконьей кровью в роду с обеих сторон. Подобный брак объединил и усилил бы королевский род и вернул бы Железному трону дружбу Морского Змея вместе с его могущественным флотом. Прозвучало одно возражение: Лейнору Велариону было уже девятнадцать лет от роду, однако он никогда не выказывал интереса к женщинам. Взамен того он окружил себя привлекательными оруженосцами своих лет и, по слухам, предпочитал их общество. Но сию заботу великий мейстер Меллос тотчас же отмел.

– И что с того? – будто бы изрек он. – Я не люблю рыбу, но, когда ее подают к столу, я ее ем.

Таким образом и был устроен сей брак.

Однако король и совет не сочли надобным обсудить сие с принцессой, и Рейнира доказала, что во многом является дочерью своего отца, и у нее имеются свои представления о том, за кого ей хотелось бы выйти. Принцесса премного ведала о Лейноре Веларионе и не желала быть ему женой.

– Ему более пришились бы по вкусу мои единокровные братья, – заявила она королю (принцесса всегда заботилась о том, дабы звать сыновей королевы Алисенты не просто братьями, а единокровными братьями). И хотя его милость уговаривал, упрашивал, кричал на нее, называл неблагодарной дочерью, никакие слова не могли ее поколебать... пока он не поставил вопрос о престолонаследии. Что король управил, король же возможет и отменить, заметил Визерис. Она выйдет замуж, как он велит, или же

наследником вместо нее станет ее единокровный брат Эйгон. Тут воля принцессы не выдержала. Септон Юстас пишет, что Рейнира припала к отцовским коленям и молила его о прощении, Грибок – что она плюнула отцу в лицо. Но оба сходятся на том, что в итоге она согласилась на брак.

И здесь наши источники снова разнятся. В ту ночь, повествует септон Юстас, сир Кростон Коль проник в опочивальню принцессы, дабы признаться ей в любви. Он поведал Рейнире, что в бухте ожидает корабль, и умолял ее бежать с ним за Узкое море. Они поженятся в Пентосе, или в Тироше, или в Старом Волантисе, там, куда не достигает власть ее отца, и где никого не озаботит, что он нарушил свои обеты королевского гвардейца. Будучи столь искусен в обращении с мечом и булавой, он не сомневался, что любой торговый магнат примет его на службу. Но Рейнира отказала ему. Она от крови дракона, напомнила принцесса, и предназначена для чего-то большего, нежели проживать жизнь женой простого наемника. И если он возможет пренебречь обетами Королевской гвардии, с чего бы обеты брачные оказались более значимы для него?

Совсем другую историю рассказывает Грибок. В его изложении именно принцесса Рейнира пришла к сирю Кростону, а не он к ней. Она нашла его в одиночестве в башне Белого Меча, заперла дверь и сбросила плащ, под которым скрывала наготу.

– Я сберегла свое девичество для тебя, – молвила она. – Возьми его, как доказательство моей любви. Для моего нареченного оно будет значить менее малого, и, возможно, узнав, что я не целомудренна, он отвергнет меня.

Но, несмотря на всю ее красоту, сир Кростон остался глух к ее мольбам, ибо был человеком чести, верным своим обетам. Отвергнутая и разъяренная принцесса накину-

ла плащ и удалилась во тьму... где случайно повстречала сира Харвина Стронга, возвращавшегося после бурно проведенной ночи в городском борделе. Костолом давно желал принцессу и не терзался сомнениями подобно сиру Кристону. Посему именно он забрал невинность Рейниры, обagrив ее девственной кровью меч своего мужского естества – так, во всяком случае, утверждает Грибок, якобы нашедший их на рассвете в постели.

Как бы то ни было, но с того дня любовь, питаемая сиром Кристоном Колем к Рейнире Таргариен, обернулась отвращением, а человек, бывший прежде неизменным спутником и поединщиком принцессы, сделался злейшим из ее врагов.

Вскоре после того Рейнира отплыла на Дрифтмарк, сопровождаемая своими служанками (две из них приходились дочерьми деснице и сестрами сиру Харвину), самим Костоломом – своим новым поединщиком, и шутлом Грибком. В 114 году от З.Э. Рейнира Таргариен, принцесса Драконьего Камня, взяла в мужья сира Лейнора Велариона (произведенного в рыцари за две недели до свадьбы, ибо почиталось необходимым, дабы принц-супруг являлся рыцарем). Невесте было семнадцать, жениху двадцать, и все сошлись на том, что они составили красивую чету. Свадьбу отпраздновали семью днями пиршеств и рыцарских поединков. Среди состязавшихся были братья королевы Алисенты, пятеро присяжных братьев Королевской гвардии, Костолом и любимец жениха, сир Джоффри Лонмаут, известный как Рыцарь Поцелуев. Когда Рейнира пожаловала сиру Харвину свою подвязку, ее новоявленный супруг рассмеялся и отдал одну из собственных сиру Джоффри.

Сир Кристон Коль же, напротив, обратился к королеве Алисенте. Ее милость с радостью даровала ему символ своей благосклонности. Надев ее знак, молодой лорд-

командующий Королевской гвардии, сражавшийся в черной ярости, одолел всех зачинщиков. Костолому сир Кростон переломил ключицу и раздробил локоть (чем сподвиг Грибка впредь именовать того Костоломаным); но не сир Харвин, а Рыцарь Поцелуев в наиполнейшей мере познал его гнев. Излюбленным оружием Коля была шипастая булава – от ударов, что он обрушил на поединщика сира Лейнора, шлем Лонмаута раскололся, а сам он пал бесчувственным в грязь. Истекавшего кровью сира Джоффри унесли с поля, и шестью днями позже он скончался, не приходя в сознание. Грибок сообщает нам, что сир Лейнор провел каждый час тех дней у ложа своего любимца и горько рыдал, когда тот умер.

Король Визерис также впал в величайший гнев, ибо радостное празднование послужило причиной скорби и взаимных обвинений. Говорили, что королева Алисента не разделяла его недовольства; вскоре после того она попросила сделать сира Кростона Коля ее личным защитником. Очевидное охлаждение между супругой и дочерью короля видели все; даже послы Вольных Городов упомянули о нем в письмах, отправленных в Пентос, Браавос и Старый Волантис.

Сир Лейнор вслед за тем вернулся на Дрифтмарк, предоставив многим гадать, осуществился ли его брак. Принцесса осталась при дворе, окруженная своими друзьями и обожателями. Сира Кростона Коля не было среди них, ибо он окончательно примкнул к партии королевы, к зеленым; однако место его занял внушительный и грозный Костолом (или, как измыслил Грибок, Костоломаный), ставший первейшим из черных и неотлучно находившийся при Рейнире на пирах, балах и охоте. Супруг ее не высказывал никаких возражений. Сир Лейнор предпочел бла-

га Высокого Прилива, где вскоре обрел нового любимца в домашнем рыцаре по имени сир Кварл Корри.

Впоследствии он присоединялся к жене ради важных придворных событий, где ожидалось его присутствие, но большую часть своих дней сир Лейнор и принцесса проводили порознь. Септон Юстас замечает, что они делили постель не более дюжины раз. Грибок соглашается, но добавляет, что и Кварл Корри частенько разделял их ложе: по его словам, принцессу распяляло наблюдение за мужчинами, что развлекались друг с другом, и время от времени те двое допускали ее к своим забавам. Однако Грибок противоречит себе, ибо в другом месте он утверждает, будто принцесса в такие ночи оставляла супруга с его любовником и искала для себя утешения в объятиях Харвина Стронга.

Какова бы ни была правдивость сих рассказов, вскоре объявили, что принцесса в тягости. В последние дни 114 года от З.Э. родился мальчик – крупный, сильный малыш с каштановыми волосами, карими глазами и курносым носом (сир Лейнор обладал орлиным носом, серебристо-белыми волосами и лиловыми глазами, подтверждавшими его валирийское происхождение). На желание Лейнора назвать ребенка Джоффри отец его, лорд Корлис, ответил отказом. Вместо того младенцу дали традиционное имя Веларионов – Джекейрис (друзья и братья прозовут его Джейсом).

Двор еще праздновал рождение ребенка у принцессы, когда у ее мачехи, королевы Алисенты, тоже начались роды, принесшие Визерису третьего сына, Дейрона, цвет глаз и волос которого, в отличие от цвета глаз и волос Джейса, свидетельствовал в пользу его драконьей крови. По королевскому велению младенцы Джекейрис Веларион и Дейрон Таргариен делили одну кормилицу, пока их не от-

няли от груди. Говорили, что король надеялся предотвратить всякую вражду между двоими мальчиками, взрастив их молочными братьями.

Если и так, надежды его, увы, оказались тщетны.

Годом позже (в 115 году от З.Э.) случилось жуткое несчастье – из тех, что меняют судьбы королевств: «бронзовая сука» Рунного Камня, леди Рея Ройс, упала с коня во время ястребиной охоты, размозжив себе череп о камень. Леди Рея протянула девять дней, прежде чем, наконец, ей полегчало настолько, что она поднялась с постели... лишь дабы часом позже рухнуть и умереть. Как и должно, послали ворона в Штормовой Предел, и лорд Баратеон снарядил корабль с гонцом на Кровавый Камень, где принц Деймон все пытался оборонить свое крошечное королевство от воинов Триархии и их дорнийских союзников. Деймон не мешкая вылетел в Долину – «дабы похоронить жену», как он утверждал, но скорее в надежде предъявить права на ее земли, замки и доходы. В сем он не преуспел – Рунный Камень отошел племяннику леди Реи, а когда Деймон воззвал к Орлиному Гнезду, его притязания не просто отклонили – но леди Джейн предостерегла принца, что присутствие его в Долине нежелательно.

Возвращаясь позже на Ступени, принц Деймон приземлился на Дрифтмарке, дабы, соблюдая учтивость, навестить своего бывшего сотоварища по войнам, Морского Змея, и принцессу Рейнис. Высокий Прилив оставался одним из немногих мест в Семи Королевствах, где брат короля мог быть уверен, что его не прогонят прочь. Там взор принца пал на дочь лорда Корлиса леди Лейну, девицу двадцати двух лет, высокую, стройную и несказанно прелестную (красота ее впечатлила даже Грибка, записавшего, что она «почти столь же хороша, что и ее брат»), с пышной, ниспадавшей ниже талии гривой серебристо-золотых ло-

конов. Лейна с двенадцати лет была помолвлена с сыном Морского владыки Браавоса... но отец умер прежде, чем их возмogli поженить, а сын вскоре выказал себя расточителем и глупцом, промотав богатство и могущество своей семьи до того, как объявиться на Дрифтмарке. Не имея ни возможности изящно выпутаться из затруднительного положения, ни желанья устроить бракосочетание, лорд Корлис неоднократно откладывал свадьбу.

Принц Деймон влюбился в Лейну – хотят уверить нас певцы. Люди более грубого склада полагают, что принц узрел в ней способ остановить собственное падение. Некогда почитавшийся наследником своего брата, он весьма далеко отодвинулся в очередности наследования, и ни среди зеленых, ни среди черных для него не имелось места... но дом Веларионов был достаточно могуч, дабы безнаказанно бросать вызов обеим партиям. Уставший от Ступеней и освободившийся наконец от своей «бронзовой суки», Деймон Таргариен попросил у лорда Корлиса руки его дочери.

Браавосский суженый-изгнанник недолго оставался помехой: Деймон смеялся ему в лицо столь беспощадно, что у юноши не оставалось выбора, кроме как призвать принца отстоять свои слова со сталью в руке. Принц, вооруженный Темной Сестрой, живо справился с соперником и двумя неделями позже женился на леди Лейне Веларион, оставив свое столь трудно добытое королевство на Ступенях. (После него титул короля Узкого моря носили еще пятеро человек, пока краткая и кровавая история сего дикого наемничьего «королевства» не завершилась навсегда.)

Принц Деймон знал, что брат его не возрадуется, услышав о сей новой женитьбе. Вскоре после свадьбы принц и его молодая жена благоразумно удалились подальше от

Вестероса, перелетев на драконах Узкое море. Кое-кто поговаривал, что они отправились в Валирию, презрев нависшее над дымной пустошью проклятие, дабы раскрыть тайны повелителей драконов древней Республики. Истина менее выпеннена. Сперва принц Деймон и леди Лейна полетели в Пентос, где их чествовал правитель города. Пентошийцы опасались растущего могущества Триархии на юге и видели в Деймоне ценного союзника против Трех Дочерей. Оттуда принц с новобрачной перебрались в Старый Волантис, где наслаждались столь же теплым приемом. Затем они полетели вверх по Ройне, в Квохор и Норвос. В сих городах, весьма далеких от напастей Вестероса и мощи Триархии, их привечали менее восторженно. Однако всюду, куда бы они ни направились, собирались огромные толпы людей, дабы хоть одним глазком узреть Вхагар и Караксеса.

Когда драконьи всадники возвратились в Пентос, леди Лейна узнала, что ожидает дитя. Воздержавшись от продолжения пути, принц Деймон и его супруга поселились в доме за пределами городских стен, в гостях у пентосского магистра, на время, пока не родится младенец.

Между тем в конце 115 года от З.Э. в Вестеросе принцесса Рейнира родила второго сына. Ему дали имя Люцерис (для краткости – Люк). Септон Юстас уведомляет нас, что и сир Лейнор, и сир Харвин находились у постели Рейниры во время родов. Люк, как и брат его Джейс, имел карие глаза, а на голове – густую каштановую поросль вместо серебристо-золотистых волос таргариеновских принцев; но он был крупным и здоровеньким малышом, и, когда дитя представили ко двору, король Визерис пришел в восхищение. Его королева не разделяла сих чувств.

– Не оставляйте попыток, – бросила сирю Лейнору Алисента. – В конце концов, может, хоть один получится похожим на вас.

И соперничество между зелеными и черными усугубилось, достигнув наконец точки, когда королева и принцесса едва возмогали выносить присутствие друг друга. После того королева Алисента не покидала Красного замка в Королевской Гавани, в то время как принцесса проводила дни на Драконьем Камне вместе со своим поединщиком, сиром Харвином Стронгом. Супруг ее, сир Лейнор, как уверяли, «часто» к ней наезжал.

В 116 году от З.Э. в вольном городе Пентосе леди Лейна произвела на свет дочерей-близнецов, первых законнорожденных детей Деймона Таргариена. Принц нарек девочек Бейлой (в честь своего отца) и Рейной (в честь матери своей супруги). Когда детям сравнялось полгода, мать вместе с ними отплыла на Дрифтмарк, а Деймон с обоими драконами полетел впереди. Из Высокого Прилива он послал ворона в Королевскую Гавань, извещая короля о рождении племянниц и прося дозволения представить девочек ко двору, дабы получить королевское благословение. Хотя десница и Малый совет с жаром возражали против сего, Визерис дал согласие, ибо король все еще любил брата, бывшего товарищем его юности.

– Деймон ныне отец, – сказал он великому мейстеру Меллосу. – Он изменится.

Так сыновья Бейлона Таргариена примирились во второй раз.

В 117 году от З.Э. на Драконьем Камне принцесса Рейнира разрешилась от бремени очередным сыном. Сирю Лейнору наконец позволили назвать дитя в честь его павшего друга, сира Джоффри Лонмаута. Джоффри Веларион, будучи столь же велик, румян и крепок здоровьем, что и

его брата, так же, как и они, обладал каштановыми волосами, карими глазами и чертами лица, которые кое-кто при дворе называл простецкими. Вновь поползли слухи, а среди зеленых укоренилось убеждение, что отцом сыновей Рейниры является не супруг принцессы Лейнор, но ее поединщик, Харвин Стронг.

Безотносительно к тому, являлись ли сии обвинения правдой, король Визерис, вне всяких сомнений, все еще предполагал, что после него Железный трон унаследует его дочь, а ей в свой черед будут наследовать ее сыновья. По королевскому указу каждого из мальчиков-Веларионов еще в колыбели одарили драконьим яйцом. Усомнившиеся в отцовстве сыновей Рейниры перешептывались, что яйца никогда не проклюнутся, но появление на свет одного за другим троих юных драконов опровергло их слова. Детенышам дали имена Вермакс, Арракс и Тираксес. И, как сообщает нам септон Юстас, однажды его милость, верша суд на Железном троне, усадил Джейса себе на колени – и слышали, как он молвил:

– Когда-нибудь, малыш, и ты воссядешь здесь.

Рождение детей сказалось на принцессе; Рейнира так до конца и не избавилась от грузности, обретенной во время вынашиваний, и ко времени рождения младшего сына, будучи всего лишь двадцати лет от роду, сделалась дородна и широка в талии, а девичья красота ее обратилась в ускользящее воспоминание. По словам Грибка, сие послужило лишь усугублению неприязни Рейниры к мачехе, королеве Алисенте, что была почти вдвое старше ее, но оставалась изящной и стройной.

Грехи отцов, как изрекли мудрецы, нередко падают на головы детей; так же и с грехами матерей. Вражда между королевой Алисентой и принцессой Рейнирой передавалась и их отпрыскам. Трое сыновей королевы, принцы Эй-

гон, Эймонд и Дейрон, будучи обижены на своих племянников-Веларионов, укравших то, что дети Алисенты почитали своим по праву рождения – сам Железный трон! – сделали их ожесточенными соперниками. Хотя все шестеро посещали одни и те же пиры, балы и празднества, порой вместе занимались во дворе под присмотром одного и того же мастера над оружием и учились у одних и тех же мастеров, сия вынужденная близость лишь более подогревала взаимную неприязнь мальчишек, нежели спланивала их как братьев.

Если свою мачеху, королеву Алисенту, Рейнира невзлюбила, то к золовке, леди Лейне, она прониклась нежными, и даже более чем нежными чувствами. Дрифтмарк и Драконий Камень совсем рядом, и Деймон с Лейной часто навещали принцессу, а она их. Многократно парили они вместе на своих драконах, а драконица принцессы, Сиракс, несколько раз откладывала яйца. В 118 году от З.Э. с благословения короля Визериса Рейнира объявила о помолвке двоих своих старших сыновей с дочерьми принца Деймона и леди Лейны. Джекейрису минуло четыре года, Люцерису три, обеим девочкам по два. А в 119 году от З.Э., когда выяснилось, что Лейна вновь ожидает ребенка, Рейнира вылетела на Дрифтмарк, дабы ухаживать за ней при родах.

И так вышло, что в третий день проклятого 120 года от З.Э., года Красной весны, принцесса находилась подле своей золовки. Побледневшая и изнемогшая после дня и ночи родовых схваток, Лейна Веларион наконец родила принцу Деймону сына, которого тот столь долго желал – но дитя оказалось искривленным и неправильно сложенным и умерло в течение часа. Мать ненадолго пережила его. Изнурительные роды истощили леди Лейну, а горе еще более ослабило ее, лишив сил противиться родильной горячке.

Несмотря на все усилия молодого дрифтмаркского мастера, состояние ее быстро ухудшалось. Принц Деймон, отправившись на Драконий Камень, привез собственного мастера принцессы Рейниры, бывшего старше годами и опытнее, и известного своим искусством целителя. Увы, мастер Герардис опоздал. Проведя три дня в горячечном бреду, леди Лейна оставила сей бранный мир, будучи всего лишь двадцати семи лет от роду. Говорят, в свой предсмертный час она поднялась с постели и вышла из комнаты, желая прежде кончины добраться до Вхагар и в последний раз воспарить. Однако на ступенях башни силы покинули леди Лейну, и прямо там же она упала и умерла. Принц Деймон отнес жену обратно на постель. После принцесса Рейнира бодрствовала вместе с Деймоном над телом леди Лейны и утешала принца в его горе.

Кончина леди Лейны стала первым, но не последним потрясением 120 года от З.Э. Ибо год сей окажется годом, когда премногие давно тлевшие склоки и зависти, изводившие Семь Королевств, наконец, достигнут своего пика; годом, когда весьма и весьма у многих появятся причины рыдать, и скорбеть, и рвать на себе одежды... однако же ни у кого в большей мере, нежели у Морского Змея, лорда Корлиса Велариона, и его благородной супруги, принцессы Рейнис, той, что могла бы стать королевой.

Лорд Прилива и его леди-жена еще носили траур по своей возлюбленной дочери, когда Неведомый явился вновь, дабы забрать их сына. Сира Лейнора Велариона, супруга принцессы Рейниры и предполагаемого отца ее детей, убили на ярмарке в Спайстауне – его заколол его же друг и наперсник, сир Кварл Корри. Они громко пререкались, прежде чем обнажить мечи, как поведали торговцы с ярмарки лорду Велариону, прибывшему за телом своего сына. Корри к тому времени бежал, ранив нескольких че-

ловец, пытавшихся его задержать. Некоторые уверяли, что у берега его ждал корабль. Более его никто никогда не видел.

Обстоятельства убийства остаются тайной и по сей день. Великий мейстер Меллос пишет только, что сира Лейнора умертвил после ссоры один из его же домашних рыцарей. Септон Юстас раскрывает нам имя душегуба и объявляет причиной убиения ревность; Лейнор Веларион-де утомился от общества сира Кварла и воспылил страстью к новому любимцу, красивому юному оруженосцу шестнадцати лет. Грибок, как всегда, отдает предпочтение наиболее зловещему предположению, намекая, что принц Деймон заплатил Кварлу Корри за устранение супруга принцессы Рейниры, устроил так, что сира Кварла увез корабль, а затем перерезал ему горло и сбросил в море. Корри, домашний рыцарь довольно низкого происхождения, слыл человеком со вкусами лорда и кошельком крестьянина, склонным вдобавок к безрассудным поступкам, что придает некую достоверность изложению событий, оставленному шутом. Однако же ни малейших доказательств тому не имелось ни тогда, ни теперь, хотя Морской Змей и предложил награду в десять тысяч золотых драконов любому, кто приведет его к сире Кварлу Корри или же доставит убийцу ради отцовского возмездия.

Но даже сие не положило предел потрясениям, отметившим тот страшный год. Следующее случилось в Высоком Приливе после похорон сира Лейнора, когда король и двор (многие верхом на своих драконах), прибыли на Дрифтмарк к погребальному костру. (Септон Юстас писал, что Дрифтмарк стал новой Валирией – столь много драконов там собралось.)

Детская жестокость известна всем. Принцу Эйгону Таргариену сравнялось тринадцать, принцессе Хелейне

двенадцать, принцу Эймонду десять, а принцу Дейрону шесть. И Эйгон, и Хелейна были драконьими всадниками. Хелейна ныне летала на Пламенной Мечте, некогда носившей Рейну, «черную невесту» Мейгора Жестокого, а юного Солнечного Огня, которым владел брат ее Эйгон, называли наипрекраснейшим из драконов, когда-либо виденных на земле. Даже у Дейрона была красивая синяя драконица по имени Тессарион, хотя всадником он еще не стал. Только средний сын, принц Эймонд, оставался без дракона, но его милость надеялся исправить сие и высказал мнение, что после похорон двор мог бы, пожалуй, погостить на Драконьем Камне. Под Драконьей горой возможно отыскать и обилие драконьих яиц, и нескольких детенышей – принцу Эймонду будет из чего выбрать, «если отрок достаточно храбр».

Даже в десять лет Эймонд Таргариен не испытывал недостатка в храбрости. Уязвленный насмешкой короля, он решил не ждать до Драконьего Камня. Зачем ему какой-то жалкий детеныш или какое-то дурацкое яйцо?

Прямо здесь, в Высоком Приливе, имелся достойный его дракон – Вхагар, наистарейшая, наивеличайшая и наиужаснейшая драконица в мире.

Даже для отпрыска дома Таргариенов опасно подходить к чужому дракону, особенно к старому, злобному зверю, недавно потерявшему свою всадницу. Эймонд сознавал, что отец и мать никогда не позволят ему приблизиться к Вхагар. Посему он позаботился, дабы родители ничего не узнали, выскользнув из своей постели на рассвете, пока они еще спали, и пробравшись в большой наружный двор, где кормили и содержали Вхагар и прочих драконов. Принц надеялся тайком оседлать Вхагар, но, когда он подкрадывался к ней, прозвучал мальчишеский голос: «Эй, держись от нее подальше!»

Голос принадлежал самому младшему из его единокровных племянников, трехлетнему Джофффри Велариону. Джофф, всегда встававший рано, выбрался из постели, дабы повидать своего юного дракона Тираксеса. Испугавшись, что мальчик поднимет тревогу, принц Эймонд шлепнул его, прикрикнул, дабы тот не шумел, а затем пихнул в кучу драконьих испражнений. Джофффри заплакал, а Эймонд стремглав бросился к Вхагар и забрался ей на спину. Как позже признавался принц, он столь сильно боялся быть пойманным – даже забыл испугаться, что его могут живьем изжарить и съесть.

Назовите сие храбростью, назовите сие безумием, назовите сие удачей, волей богов или прихотью драконов. Кто может познать разум такого зверя? Лишь сие нам ведомо: Вхагар взревела, рывком поднялась, яростно встряхнулась... затем разорвала свои цепи и взлетела. И мальчик-принц Эймонд Таргариен стал драконьим всадником, дважды облетев вокруг башен Высокого Прилива, прежде чем вновь спуститься.

Но, когда он приземлился, его ждали сыновья Рейниры.

После того, как Эймонд поднялся в небо, Джофффри побежал за своими братьями, и оба, Джейс и Люк, откликнулись на его зов. Принцы-Веларионы были младше – Джейсу шесть лет, Люку пять, Джоффу три, – но их было трое, и они вооружились деревянными мечами со двора для воинских занятий. Теперь они в бешенстве набросились на Эймонда. Отбиваясь, тот ударом кулака сломал нос Люку, затем поверг на колени Джейса, хрястнув его по затылку вырванным из рук Джоффа мечом. Когда мальчишки, окровавленные и в синяках, отползли от принца, он начал глумиться над ними, называя их Стронгами. Джейс, уже достаточно взрослый, дабы понять оскорбление, вновь

налетел на Эймонта, но старший мальчик принялся жестоко его избивать... кончилось тем, что Люк, пришедший на подмогу брату, вытащил кинжал и полоснул Эймонта по лицу, выколол ему правый глаз. Когда явились конюхи, дабы разнять драчунов, принц извивался на земле, стеная от боли, а Вхагар ревела.

Позднее король Визерис попытался установить мир, повелев каждому из мальчиков принести своим супротивникам надлежащие извинения, однако же матерей их сии любезности не ублаготворили. Королева Алисента потребовала, дабы Люку тоже выкололи глаз – за глаз, которого он лишил Эймонта. Рейнира ни о чем подобном и слышать не желала, но настаивала, что принца Эймонта надобно допрашивать «с тщанием», пока он не откроет, где услышал, что сыновей ее зовут «Стронгами». Ведь именовать их так, безусловно, равносильно утверждению, что они бастарды, не имеющие прав наследования... а сама она повинна в государственной измене. Под нажимом короля принц Эймонт сознался – о том, что они Стронги, ему поведал брат его Эйгон; принц Эйгон же молвил всего лишь: «Каждому ведомо. Только взгляните на них».

В конце концов король Визерис прекратил расспросы, объявив, что более слушать не намерен. Глаз никому выкалывать не будут, приговорил он... но если кто-либо, «будь то муж, или жена, или дитя, благородного ли, простого ли, королевского ли происхождения», вновь назовет его внуков глумливо «Стронгами», тому вырвут язык раскаленными клещами. Затем его милость повелел жене и дочери облобызать друг друга и обменяться торжественными уверениями в любви и приязни, но их неискренние улыбки и пустые слова никого, кроме короля, не ввели в заблуждение. Что касается мальчиков, принц Эймонт гова-

ривал позже, что потерял в тот день глаз, но обрел дракона, и почитает сие честным обменом.

Желая пресечь дальнейшие распри и положить конец сим «гнусным слухам и низкой клевете», король Визерис помимо того распорядился, дабы королева Алисента и ее сыновья возвратились с ним ко двору, а принцесса Рейнира с сыновьями не покидала пределов Драконьего Камня. Охраной ей отныне будет служить сир Эррик Каргилл из Королевской гвардии, а Костолом вернется в Харренхолл.

Как пишет септон Юстас, решения сии никого не обрадовали. Грибок же возражает: по крайней мере одного человека королевские указы привели в восторг, ведь Драконий Камень и Дрифтмарк лежат совсем недалеко друг от друга, и приближенность сия предоставляла Деймону Таргариену обширную возможность утешать свою племянницу, принцессу Рейниру, без ведома короля.

Хотя Визерису I оставалось править еще девять лет, но кровавые семена Танца Драконов были уже посажены – и 120 год от З.Э. стал годом, когда они начали прорасти.

Пришел черед погибнуть старшим Стронгам. Лионель Стронг, лорд Харренхолла и королевский десница, сопровождал своего сына и наследника сира Харвина на обратном пути в огромный полуразрушенный замок на берегу озера. Вскоре после их прибытия в башне, где они почивали, вспыхнул пожар, и оба, отец и сын, погибли вместе с тремя вассалами и дюжиной слуг. Причину пожара так и не установили. Одни сводили все к простой случайности, другие бормотали, что твердыня Харрена Черного проклята и несет гибель каждому, кто ею владеет. Многие имели подозрение, что поджог устроили намеренно. Грибок намекает, что за ним стоял Морской Змей, и сие стало его отмщением тому, кто наставил рога его сыну. Септон Юс-

тас подозревает принца Деймона, устранявшего соперника в борьбе за благорасположение принцессы Рейниры (что более правдоподобно). Высказывали также мнение, что виновником мог быть Ларис Косолапый: после смерти отца и старшего брата Ларис Стронг сделался лордом Харренхолла.

Наиболее же будоражащее предположение допустил не кто иной, как великий мейстер Меллос: он размышляет о том, что сие приказание мог отдать сам король. Если Визерис счел слухи об отцовстве детей Рейниры правдой, возможно, он пожелал избавиться от человека, обесчестившего его дочь, дабы тот не разоблачил незаконность происхождения ее сыновей. Если так, то смерть Лионеля Стронга стала несчастливой случайностью, ибо решение его светлости проводить сына обратно в Харренхолл оказалось непредугаданным.

Лорд Стронг был десницей короля, и Визерис полагался на его силу и мудрость. Его милость дожил до сорока трех лет и изрядно раздобрел. Он не обладал уже той силой, что свойственна человеку молодому, и страдал подагрой и болями в суставах и в спине, а также стеснением в груди, что подступало и отступало, оставляя его нередко с багровым лицом и одышкой. Правление королевством было делом нелегким; король нуждался в сильном, толковом деснице, способном взвалить на свои плечи часть его бремени. Недолгое время он помышлял послать за принцессой Рейнирой. Кто возможет лучше других править с ним вместе, если не дочь, которую он видел своей преемницей на Железном троне? Но сие означало бы возвращение принцессы и ее сыновей в Королевскую Гавань, где нового столкновения с королевой и ее собственными детьми было не избежать. Подумывал Визерис и о своем брате, пока не вспомнил о прошлых пребываниях принца Деймона в Ма-

лом совете. Великий мастер Меллос советовал привлечь кого-нибудь помоложе и называл некоторые имена, однако его милость избрал привычное, призвав ко двору сира Отто Хайтауэра, отца королевы, прежде уже исполнявшего сию службу и при Визерисе, и при Старом Короле.

Но едва сир Отто прибыл в Красный замок, дабы принять обязанности десницы, как до двора дошла весть, что принцесса Рейнира повторно вышла замуж, взяв в супруги своего дядю, Деймона Таргариена. Принцессе было двадцать три, принцу Деймону – тридцать девять.

Известие сие возмутило всех: короля, двор, просто-народье. Не прошло и полугода после кончины жены Деймона и мужа Рейниры, в гневе заявил его милость; столь поспешная свадьба оскорбляла их память. Бракосочетание совершили на Драконьем Камне, внезапно и тайно. Септон Юстас утверждает: Рейнира сознавала, что отец никогда не одобрит сей брак, и торопилась выйти замуж, дабы он не возмог тому воспрепятствовать. Грибок предлагает иное объяснение: принцесса снова была в тягости и не желала рожать бастарда.

Таким образом, тот страшный 120 год от 3.Э. завершился так же, как и начался – родовыми муками. Для принцессы Рейниры вынашивание ребенка имело более счастливый исход, нежели для леди Лейны. В конце года она дала жизнь сыну – маленькому, но крепенькому белолицему младенцу-принцу с темно-лиловыми глазами и светлыми серебристыми волосами. Рейнира нарекла его Эйгоном. У Деймона наконец-то появился сын, кровь от его крови... и, в отличие от троих своих единоутробных братьев, сей новоявленный принц был несомненным Таргариеном.

В Королевской Гавани королева Алисента впала в великий гнев, узнав, что дитя назвали Эйгоном. Она сочла

сие непочтительностью к своему сыну Эйгону... наверняка так оно и было. (Далее мы будем именовать сына королевы Алисенты Эйгоном Старшим, а сына принцессы Рейниры – Эйгоном Младшим.)

По справедливости 122 году от З.Э. должно было стать радостным для дома Таргариенов. Принцесса Рейнира вновь оказалась на родильном ложе и подарила своему дяде Деймону второго сына, получившего имя Визерис в честь деда. Ребенок, пусть и меньшей величины, и не столь крепкий, как его брат Эйгон и единоутробные братья Веларионы, оказался наиболее даровитым из всех... хотя неким зловещим образом драконье яйцо, что положили ему в колыбель, так и не проклюнулось. Зеленые приняли сие за дурное предзнаменование и не стеснялись рассуждать о том вслух.

Позднее в том же году в Королевской Гавани снова играли свадьбу. Следуя древней традиции дома Таргариенов, король Визерис женил своего сына Эйгона Старшего на своей дочери Хелейне. Жених, юнец пятнадцати лет от роду, ленивый и довольно угрюмый, как сообщает нам септон Юстас, имел, однако же, более чем здоровые желания, будучи ненасытен за трапезой и склонен наливаться элем и крепким вином, а также щипать и тискать любую служанку, оказавшуюся поблизости. Невесте, его сестре, минуло всего тринадцать. Полненькая и не столь заметная, как большинство Таргариенов, Хелейна была милой веселой девушкой, и все сходились во мнении, что она станет прекрасной матерью.

И она ею стала, причем вскорости. Всего лишь год спустя, в 123 году от З.Э., четырнадцатилетняя принцесса произвела на свет двойню: мальчика, которого она нарекла Джейхейрисом, и девочку, названную Джейхейрой. Теперь у принца Эйгона есть собственные наследники, радостно

восклицали при дворе зеленые. В колыбель каждому ребенку положили по драконьему яйцу, и вскоре вылупились двое детенышей. Но с сими новорожденными близнецами не все оказалось ладно. Джейхейра была совсем крохотной и плохо росла. Она не плакала, не улыбалась, не делала ничего, что свойственно младенцам. Брат ее, хотя и более крупный и крепкий, тоже не отличался совершенством, которого ожидали от принца-Таргариена, ибо мог похвастаться тем, что имел по шесть пальцев на левой руке и на обеих ногах.

Ни жена, ни дети не возмogli обуздать плотских желаний принца Эйгона Старшего, который в том же году, когда родились его законнорожденные близнецы, стал отцом двум бастардам: сыну (от девицы, чью невинность купил на Шелковой улице) и дочери (от одной из материнских служанок). А в 127 году от З.Э. принцесса Хелейна принесла ему второго сына, которого наделили драконьим яйцом и именем Мейлор.

Подрастали и другие сыновья королевы Алисенты. Принц Эймонд, несмотря на потерю глаза, под опекой сира Крестона Коля сделался искусным и грозным бойцом на мечах, но остался диким и своенравным мальчишкой, вспыльчивым и злопамятным. Из сыновей королевы наиболее любим всеми был его младший брат, принц Дейрон, столь же смышленный, сколь и учтивый, и наиболее пригожий к тому же. В 126 году от З.Э., когда Дейрону сравнялось двенадцать, его отправили в Старомест, служить чашником и оруженосцем лорду Хайтауэру.

В том же году по ту сторону Черноводного залива Морского Змея внезапно сразила лихорадка. Пока лорд Корлис, окруженный мастерами, возлежал в своей постели, встал вопрос, кто станет новым Лордом Приливов и Владетелем Дрифтмарка, если болезнь его одолеет. Закон-

норожденные дети его умерли, и по закону землям и титулам долженствовало отойти его внуку Джекейрису... но, поскольку полагали, что Джейс вслед за матерью взойдет на Железный трон, принцесса Рейнира убеждала свекра взамен назвать преемником своего второго сына – Люцериса. У лорда Корлиса также имелось полдюжины племянников, и старший из них, сир Веймонд Веларион, возражал, что наследству по справедливости должно отойти ему... на том основании, что сыновья Рейниры – бастарды от Харвина Стронга. Принцесса не стала медлить с ответом на сие обвинение. Она отрядила принца Деймона, дабы захватить сира Веймонда, ему сняли голову с плеч, а тело скормили дракону принцессы.

Однако даже тем дело не кончилось. Младшие братья сира Веймонда с его женой и сыновьями бежали в Королевскую Гавань, дабы молить о правосудии и изложить перед королем и королевой свои притязания. Король Визерис сделался весьма тучен и красен лицом, и у него едва хватало сил взойти по ступеням к Железному трону. Его милость выслушал Веларионов в каменном молчании, а после повелел вырвать каждому язык.

– Вас предостерегали, – возгласил он, когда их волокли прочь. – Я не стану более слушать сию ложь.

Но, спускаясь, его милость оступился и, отклонившись, дабы удержать равновесие, распорол левую руку до кости зазубренным клинком, торчавшим из трона. Хотя великий мейстер Меллос промыл рану горячим вином и перевязал руку полосками льняной ткани, пропитанными целебными мазями, у короля вскоре началась лихорадка, и многие боялись, что он может умереть. Лишь прибытие с Драконьего Камня принцессы Рейниры изменило ход событий, ибо с ней приехал ее собственный целитель, мей-

стер Герардис, который без промедления удалил его милости два пальца на руке, дабы спасти ему жизнь.

Хотя сие тяжкое испытание премного изнурило короля Визериса, вскоре он возобновил правление. Дабы отпраздновать его выздоровление, в первый день 127 года от З.Э. устроили пир. И принцессе, и королеве повелели присутствовать вместе со всеми их детьми. В знак дружелюбия каждая из двух женщин облачилась в цвета другой, и прозвучало множество признаний в любви, к великому удовольствию короля. Принц Деймон поднял кубок за сира Отто Хайтауэра, возблагодарив его за верную службу на посту десницы, а сир Отто в свой черед восхвалил мужество принца, в то время как дети Алисенты и Рейниры приветствовали друг друга поцелуем и вместе преломили хлеб за трапезой. Примерно так написано в придворных хрониках.

Однако поздно вечером, после того, как король Визерис удалился (ибо его милость по-прежнему легко утомлялся), по словам Грибка, принц Эймонд Одноглазый встал, дабы провозгласить здравицу за своих родичей-Веларионов, притворно восхищаясь их каштановыми волосами, карими глазами... и силой.

– Я никогда не встречал никого, столь же сильного, как мои милые родичи, – закончил он. – Так выпьем же до дна за сих троих отпрысков сильного дома¹.

Еще позднее, как отмечает шут, Эйгон Старший оскорбился, когда Джекейрис пригласил его жену Хелейну на танец. Двое принцев обменялись резкими словами, а могло бы дойти и драки, если бы не вмешательство Королевской гвардии. Известили ли о сих происшествиях короля Визериса, нам неизвестно, но следующим утром принцесса

---

¹ Здесь Эймонд фактически называет своих кузенов сыновьями Стронга, strong — с англ. значит «сильный».

Рейнира и ее сыновья вернулись в свой замок на Драконьем Камне.

Лишившись пальцев, Визерис I более никогда не сажился на Железный трон. С той поры он избегал Тронного зала, предпочитая вершить суд в своей рабочей комнате, а позднее – в опочивальне, в окружении мейстеров, септонов и верного Грибка, единственного, кто все еще мог рассмешить его (как уверяет Грибок). Былая сила отчасти вернулась к его милости, когда великий мейстер Меллос скончался и его место занял великий мейстер Герардис, чьи зелья и настойки принесли более пользы, нежели предпочитавшееся Меллосом лечение пиявками. Но улучшение оказалось недолгим; подагра, боль в груди и одышка по-прежнему причиняли королю страдания. По мере того, как здоровье его истощалось, Визерис препоручал все большую долю правления державой своему деснице и Малому совету.

Семь Королевств встречали 129 год от Завоевания Эйгона кострами, пирами и кутежами, а король Визерис I Таргариен становился все слабее. Боль в его груди сделалась столь мучительной, что он уже не возмогал всходить по ступеням, и его приходилось носить по Красному замку в кресле. К началу второй луны года его милость потерял всякий аппетит и правил страной из постели... когда у него вообще хватало сил править. А тем временем на Драконьем Камне принцесса Рейнира вновь ожидала дитя. Она тоже слегла в постель, а рядом с ней неотлучно находился ее муж, порочный принц.

На третий день третьей луны 129 года от З.Э. принцесса Хелейна привела троих своих детей навестить короля в его покоях. Близнецам Джейхейрису и Джейхейре было по шесть лет, их брату Мейлору всего два. Его милость дал малышу поиграть жемчужным кольцом со своего пальца и

поведал близнецам историю о том, как их прапрадед и тезка Старый Король Джейхейрис полетел на драконе к северу от Стены, дабы сокрушить великое воинство одичалых, великанов и оборотней. Дети внимали ему прилежно. После сего король отослал их прочь, сославшись на усталость. Затем Визерис из дома Таргариенов, первый сего имени, король андалов, ройнаров и Первых людей, владыка Семи Королевств и Защитник Державы, закрыл глаза и отошел ко сну.

Он более не проснулся. Его милости было от роду пятьдесят два года; он властвовал над большей частью Вестероса двадцать шесть лет.

Повесть об отважных подвигах, черных злодеяниях и героической гибели Деймона Таргариена в последовавшем затем кровавом смертоубийстве всем хорошо известна, а потому на сем мы и завершим наш рассказ.

После того разразилась буря, и драконы танцевали... и погибали².

---

² Хронологически следующая повесть под названием «Принцесса и королева, или Черные и зеленые», включенная в антологию «Опасные женщины», и посвящена этим событиям.